

Русский концентр во французском литературном сознании XIX века

А. Р. ОЩЕПКОВ

(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А. С. ПУШКИНА),

В. П. ТРЫКОВ

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье выявлены некоторые тенденции в восприятии русской литературы французским литературным сознанием XIX в., сделан вывод о том, что русский литературный концентр образуется во Франции лишь в конце XIX столетия, подчеркнута роль М. де Воюэ как автора книги «Русский роман» в формировании русского концентра.

Ключевые слова: литературный концентр, рецепция, образ России, натурализм, русский роман.

Russian Concentre in the French Literary Conscience of the XIX Century

A. R. OSHCHERKOV

(THE PUSHKIN STATE INSTITUTE OF THE RUSSIAN LANGUAGE),

V. P. TRYKOV

(MOSCOW PEDAGOGICAL STATE UNIVERSITY)

The article covers some tendencies of reception of Russian literature in the French literary conscience of the XIX century. The authors make a conclusion about the formation of Russian literary centre only at the end of the XIX century, mark the role of E.-M. de Vogüé as the author of «The Russian Novel» in the formation of the Russian literary centre.

Keywords: literary centre, reception, image of Russia, naturalism, Russian novel.

Понятие «литературный концентр» было предложено и обосновано в отечественном литературоведении Вл. А. Луковым в рамках разрабатываемого им тезаурологического подхода. Согласно определению, данному Вл. А. Луковым в его статье «Литературные концентры Европы в предпочтениях русского культурного тезауруса», «литературные концентры — такие центры литературных взаимодействий, вокруг которых располагаются, как удаляющиеся круги, как бы привязанные к ним менее влиятельные территории взаимодействий. Концентры соответствуют «сильным позициям», выделяемым в ходе тезаурусного анализа. <...> Выявление литературных концентров осу-

ществляется через определение литературных предпочтений культурного тезауруса того или иного народа или страны» (Луков, 2008: 18–19).

Русский литературный концентр сформировался во французском литературном сознании лишь в конце XIX столетия. До этого русская литература не находилась в центре внимания французской читающей публики, которая из инонациональных литератур ориентировалась прежде всего на английскую и немецкую. Англоман аббат Прево в своем журнале «За и против» знакомил французов с произведениями Мильтона и Поупа, Свифта и Филдинга. Вольтер открыл соотечественникам Шекспира. Ж. де Сталь в своей

* Ощепков Алексей Романович — кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина. Тел.: (495) 335-07-33. Эл. адрес: ale78487000@yandex.ru

Трыков Валерий Павлович — доктор филологических наук, профессор кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета. Тел.: (495) 735-59-48. Эл. адрес: alex18@sumail.ru

книге «О Германии» (1810) провозгласила превосходство немецкой романтической литературы над литературой классицизма, позиции которой были еще сильны во Франции.

На протяжении почти двух столетий французские литераторы и литературные критики говорили о «подражательности» русской литературы, плохо ее зная и еще хуже понимая. Для подобного рода невосприимчивости были причины. Во-первых, утвердившееся в культурном слое Франции со времен Людовика XIV убеждение в абсолютном превосходстве французской литературы. В конце 30-х годов XIX в. французский литератор Ксавье Мармье писал: «Мы были слишком горды нашими шедеврами, слишком сосредоточены на нашей славе, чтобы позволить иностранным авторам соблазнить себя» (цит. по: Boutchik, 1947: 16). Во-вторых, восприятие России как «варварской» страны. В предисловии к сборнику «Балалайка. Русские народные песни» (1837) П. Жюльвекур так характеризовал отношение французов к России: «Видя наше безразличие и беспечность, которыми отмечено все, относящееся к этой стране, можно подумать, что речь идет о докучном госте, присутствие которого мы вынуждены терпеть, но на которого даже не хотим взглянуть. А он тем временем потихоньку занял свое и довольно просторное место за нашим столом. И в то самое время, когда мы в нашей старой Европе отстранялись от него как от варвара, отворачивались от него, он продвигался вперед» (цит. по: Corbet, 1967: 191). В-третьих, объективные трудности, связанные с изучением сложного для французов русского языка и соответственно с далеко не всегда удачными переводами произведений русской литературы на французский язык. Искусство перевода во Франции долгое время вообще было не в почете, так как французы по причинам, о которых было сказано выше, не проявляли интереса к иностранным языкам и литературам. В-четвертых, французская система гуманитарного образования была сориентирована на изучение античной классики.

В XVIII в. русская литература привлекала внимание отдельных персон, но французская читающая публика осталась к ней равнодушной: были опубликованы сатиры Кантемира, «Древняя российская история...» Ломоносова, отдельные произведения Хераскова, Сумарокова, одна ода Тредиаковского.

Первой статьей о русской литературе, напечатанной во Франции, была статья графа А. П. Шувалова в журнале «Атене литтэрэр» за 1760 г. Первые антологии русской литературы — «Избранные отрывки из произведений русской литературы» (1800), составленная Пападопуло и Галле, и «Русская антология» Дюпре де Сен-Мора (1823) были очень краткими, давали весьма приблизительное представление о русской литературе и отличались невысоким качеством переводов. Антология Пападопуло включала некоторые оды Тредиаковского и Ломоносова и отрывки из произведений Сумарокова. В конце XVIII — начале XIX в. наибольший интерес во Франции вызывала русская драматургия. В 1801 г. в Париже был издан двухтомник Сумарокова. В 1823 г. один из томов двадцатипяти томного издания «Шедевры зарубежного театра» был посвящен русской драматургии. В том вошли пьесы В. А. Озерова, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова и А. А. Шаховского.

Однако первым русским писателем, обратившим на себя особое внимание культурной публики и французских литературных салонов, был Н. М. Карамзин. В 1819 г. в Париже начинает выходить французское издание его «Истории Государства Российского», вызвавшее сенсацию.

В середине 1820-х годов пальма первенства перешла к И. А. Крылову, в котором французы увидели русского Лафонтена. В 1852 г. Альфред Бужо опубликовал монографию о русском баснописце под характерным названием «Крылов, или русский Лафонтен. Его жизнь и басни».

Непростой оказалась судьба А. С. Пушкина во Франции (Трыков, 2008b: 183–190). Его произведения переводили (особая роль здесь принадлежит П. Мериме), к его фигуре было привлечено внимание, особенно в связи с об-

стоятельствами трагической гибели поэта, но широкого резонанса и признания творчество великого русского поэта во Франции не получило. Показателен отзыв о Пушкине А. де Кюстина, чья книга «Россия в 1839 году» (1843) пользовалась огромной популярностью в Европе и оказала большое влияние на формирование образа России не только во Франции, но и за ее пределами на протяжении двух столетий. Кюстин со свойственной ему категоричностью и чувством превосходства писал о великом поэте: «Этот человек много заимствовал... Я не вижу в нем настоящего русского поэта» (Кюстин, 1996, 1: 298).

Парижское издание двухтомника «Избранных произведений» А. С. Пушкина в 1847 г., в котором были собраны все наиболее значительные поэтические тексты поэта, не изменило ситуации и свидетельствовало лишь о наличии отдельных энтузиастов, готовых пропагандировать во Франции русскую литературу, но никак не об изменениях в литературных вкусах и пристрастиях французской читающей публики.

Иная, гораздо более счастливая судьба выпала во Франции на долю И. С. Тургенева, который во второй половине XIX в. представлял «лицо» русской литературы во Франции. Ни один русский писатель до середины 1880-х годов не вызывал столь пристального внимания французской критики, газет и журналов, не был переводим с такой регулярностью, как Тургенев. Можно утверждать, что серьезное освоение русской литературы во Франции началось с Тургенева.

Конечно, важным фактором успеха, которым пользовался русский писатель во Франции, были его знакомства в литературной среде. Впервые во Францию Тургенев приехал в 1847 г. Последние двадцать лет жизни он прожил во Франции. Среди его знакомых такие крупные французские писатели, как В. Гюго, Жорж Санд, П. Мериме, Г. Флобер, Э. Золя, Э. де Гонкур, А. Додэ, Ги де Мопассан. Последний называл себя учеником Тургенева.

Знакомство французов с творчеством русского писателя состоялось в середине

1850-х годов. В 1854 г. в Париже был опубликован перевод «Записок охотника», сделанный Эрнестом Шаррьером. Это было довольно вольное переложение оригинала. Перевод Шарьера вызвал недовольство автора «Записок охотника», который в своем письме С. Т. Аксакову от 7 августа 1854 г. сетовал: «Получил я наконец французский перевод моих «Записок» — и лучше бы, если б не получал их! Этот г-н Шарриер черт знает что из меня сделал — прибавлял по целым страницам, выдумывал, выкидывал — до невероятности...» (Тургенев, 1961: 224–225).

В 1858 г. выходит новый, авторизованный перевод на французский язык «Записок охотника», выполненный литературным критиком Анри-Ипполитом Делаво. Во Франции переводчиками Тургенева выступали П. Мериме (перевел в 1863 г. «Отцов и детей»); перевод был отредактирован Тургеневым), Л. Виардо, Дюран-Гревиль, Э. де Пори и др. Некоторые переводы на французский были сделаны самим Тургеневым.

Читающая Франция не просто оценила художественные достоинства романов и повестей русского писателя, но сквозь призму его произведений воспринимала Россию. Так, например, французская литератор и издатель парижского журнала «Нувель ревью» Жюльетта Адан признавалась, что именно благодаря Тургеневу она составила представление о России (Corbet, 1967: 387). Французский исследователь Шарль Корбе утверждает, что Тургенев внес существенный вклад в подготовку русско-французского альянса (Ibid).

В 1867 г. А. де Ламартин в 23-й книге своего ежемесячного обозрения «Cours familier de littérature» публикует несколько рассказов из «Записок охотника» со своим комментарием, в котором, в частности, отмечает такие особенности тургеневского таланта, как изящество, правдивость и самобытность. «До него в России не было ничего подобного. Это Бальзак лесов и степей» (Lamartine, 1867: 76).

П. Мериме в «Монитер универсель» 25 мая 1868 г. печатает статью «Иван Тургенев», в которой высоко оценивает тонкую наблюдательность Тургенева, его мастерство созда-

ния многогранного, неоднозначного реалистического характера, искусство психологической детали и лирического пейзажа, а также простоту фабулы тургеневских повествований. «Беспристрастная любовь к истине — вот главная черта творчества г-на Тургенева, и он никогда ей не изменяет» (Мериме, 2003: 80). В сущности, Мериме увидел в Тургеневе наследника традиций пушкинской прозы. Хотя имя Пушкина нигде не упоминается в статье, очевидно, что, с точки зрения Мериме, Тургенева сближают с его великим предшественником лаконизм, изящество, простота и сдержанность стиля, точность образа, умение просто и ясно передать самую суть явления. Ну и конечно, с Пушкиным автора «Отцов и детей» роднит гуманизм. «Г-н Тургенев старается отыскать добро всюду, где оно может быть открыто. Он находит возвышенные черты даже в самых низменных натурах» (там же: 87).

В 1883 г. Мопассан, откликаясь на кончину писателя, опубликовал очерк «Иван Тургенев», в котором называл Тургенева «великим русским романистом», «одним из замечательнейших писателей нынешнего столетия», «одним из величайших гениев русской литературы», признавал его «дар могучей наблюдательности» ставил его в один ряд с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем (Мопассан, 1953: 149). В финальных строчках очерка звучит искренняя боль утраты: «Не было души, более открытой, более тонкой и более проникновенной, не было таланта, более пленительного, не было сердца, более честного и более благородного» (там же: 152).

Вслед за писателями и литературными критиками с 1890-х годов возник устойчивый интерес к Тургеневу и во французской академической среде. Известный славист Луи Леже включил раздел о Тургеневе в свою антологию «Русская литература» (1892). Французский литературовед Эмиль Оман, автор критико-биографического очерка «Иван Тургенев» (1906), считал, что Тургенев способствовал повороту в культурных отношениях между Россией и Европой, что благодаря Тургеневу «Россия завоевала для себя не-

отъемлемое место в интеллектуальной жизни Европы» (Haumant, 1906: 308).

На смерть Тургенева откликнулись видные представители французской культуры: Э. Ренан, М. де Вогиюэ, П. Бурже. Однако вскоре после кончины великого писателя его место во французском культурном сознании как представителя «загадочной русской души» заняли Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Показательна в этом отношении запись в «Дневнике» Э. де Гонкура от 10 октября 1887 г., где он рассказывает о своем споре с Флобером по поводу произведений Тургенева. Гонкур считал, что в изображении русских Тургеневу недостает варварских, ярких красок, что ему не удалось показать «первобытную грубость его страны». Флобер настаивал на верном изображении русского национального характера у Тургенева. «С той поры романы Толстого, Достоевского и других, мне думается, доказали, что я был прав <...>» (Гонкур, 1964, Т. 2: 429).

Начавшийся примерно с середины 1880-х годов бум русского романа во Франции был реакцией на французский натурализм¹. Как писал французский литературовед Ж. Пелисье, «мы почувствовали сухость и бесчеловечность нашего натурализма, сравнил его с иным (Элиот, Толстой, Ибсен), в котором не было нетерпимости и сектантства, который, изображая добро без плоской идеализации, а зло без унылой мрачности, не допускал и мысли о том, что первое условие искусства — это подавление в себе всякой человеческой симпатии. Этот натурализм, наконец, обращал особое внимание на человеческую душу и на нравственную основу человека» (Pellissier, 1901: 41).

Особую роль в утверждении русского романа как противостояния против натурализма, продвижении его к французскому читателю и формировании русского центра во французском литературном сознании рубежа XIX–XX вв. сыграла книга французского дипломата и литератора М. де Вогиюэ «Русский роман» (1886). В ситуации, когда огромным успехом во Франции пользовался натуралистический роман, а Э. Золя был самым

издаваемым французским писателем, М. де Вогюэ предложил Франции в качестве образца современный русский роман. Впервые за два столетия французский литератор признавал самобытность, оригинальность и художественные достоинства русской литературы. Причем Вогюэ настаивал, что именно в романе, а не в романтической поэзии начала XIX в. нашла наиболее полное выражение «русская душа». Вогюэ писал: «Подводя литературные итоги столетия, я считаю, что великие романисты последних сорока лет служат России большую службу, чем ее поэты. Благодаря им она впервые опередила западные движения, а не следовала за ними; она наконец нашла оригинальную эстетику и оттенки мысли, свойственные только ей. Вот что побудило меня искать прежде всего в романах разрозненные черты русского гения» (Vogüé, 1886: XII–XIII).

В русском романе Вогюэ оценил то, чего, с его точки зрения, недоставало роману натуралистическому, — христианский дух сострадания, и любовь к человеку. Он отмечал, что «человеколюбие (“charité”) более или менее выраженное у Тургенева и Толстого, становится безудержным у Достоевского, превращаясь в болезненную страсть» (Ibid: XLV).

Вогюэ первым обратил внимание французского читателя на Достоевского, который к середине 80-х годов XIX в. почти не был еще известен во Франции и впоследствии довольно трудно входил во французское литературное сознание. «Из всех великих романистов Достоевский встретил во Франции самое большое сопротивление» (Corbet, 1967: 417). Французам смущала «чрезмерность», исступленность Достоевского, «странность» созданных им характеров. Потребовалось время, чтобы новое поколение французских литераторов и читателей, сменившее поколение Вогюэ, по достоинству оценило художественные открытия русского гения. В своей книге «Достоевский» (1923) А. Жид напишет, что «наряду с именами Ибсена и Ницше следует называть имя не Толстого, а Достоевского, столь же великого, как он, и, может быть, наиболее значительного из трех» (Жид, 1994: 7).

Толстой и Достоевский — две вершины русской литературы, на которые на протяжении всего XX столетия будут ориентироваться многие французские писатели. А. И. Владимирова тонко подметила одну тенденцию в восприятии Толстого и Достоевского во Франции. «Характерной особенностью восприятия Достоевского на рубеже XIX и XX вв. было то, что к его наследию обращаются в основном не французские реалисты, а те писатели, которые отказывались от завоеваний реалистического искусства, считая его устаревшим и упрощенно воспроизводящим сложную реальную жизнь. Так, к традициям Толстого примыкают Р. Роллан, Р. Мартен дю Гар, а Достоевского называют своим учителем А. Жид, А. Сюарес, Ж. Ривьер и др.» (Владимирова, 1978: 39).

Толстой привлек французозов не только как большой художник, но и как мыслитель, как человек, обладавший большим моральным авторитетом. Толстовская идея нравственного совершенствования нашла отклик у многих французских литераторов и читателей эпохи декаданса. Р. Роллан писал в «Жизни Толстого» (1911): «Толстой — великая русская душа, светоч, воссиявший на земле сто лет назад, — озарил юность моего поколения. В душных сумерках угасавшего столетия он стал для нас путеводной звездой; к нему устремлялись наши юные сердца; он был нашим прибежищем. Вместе со всеми — а таких много во Франции, для кого он был больше, чем любимым художником, для кого он был другом, лучшим, а то и единственным, настоящим другом среди всех мастеров европейского искусства, — я хочу воздать его священной памяти дань признательности и любви» (Роллан, 1954, Т. 2: 219).

Толстой был безусловным лидером среди русских писателей по числу переводов и изданий во Франции на рубеже XIX–XX вв. Были изданы не только все его романы, многие повести и пьесы, но и публицистика, «Исповедь», религиозно-философские произведения. Однако публикация полного собрания сочинений Л. Н. Толстого на фран-

цузском языке, начавшаяся в 1902 г., в 1913 г. была прервана, так как издатель был недоволен качеством переводов.

Особый случай, который не подчиняется закономерности восприятия Толстого и Достоевского во Франции, выявленной А. И. Владимировой, — Марсель Пруст, который не столько противопоставлял друг другу Толстого и Достоевского, сколько рассматривал их в связке, как лучших представителей русской культуры, своих союзников в противостоянии той части западной культуры, которую Пруст оценивает как поверхностную, снобистскую по своему духу, материалистическую и «нелитературную», неспособную сделать усилие, чтобы осознать свои глубинные инстинкты (об этом см. подробнее: Трыков, 2008а: 71–87).

Русская драматургия на рубеже веков в сознании французского читателя была представлена прежде всего драмами Л. Н. Толстого и А. П. Чехова. А. П. Чехов — единственный русский писатель, полное двадцатитомное собрание сочинений которого было издано во Франции в 1930-х годах. Чехов был воспринят французским литературным сознанием как один из представителей европейской «новой драмы».

Нельзя сказать, что французский читатель был совершенно не знаком с русской поэзией: еще в 1846 г. была издана антология «Русские поэты», куда были включены переводы из русских поэтов XVIII–XIX вв., выполненные Э. Мещерским. В 1893 г. вышел том «Русские поэты», составленный Эммануэлем де Сен-Альбеном. Однако в целом русская поэзия интересовала французов в XIX в. значительно меньше, чем проза и драматургия. Возможно, прав был М. де Вогюэ, утверждавший в «Русском романе», что «русские поэты непереводимы и никогда не смогут быть переведены на другие языки» (Vogüé, 1886: XI).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ На середину — конец 1880-х годов приходится пик переводов русских писателей на фран-

цузский язык. Если в начале XIX века в год издавалось 2-3 перевода, то в 1887–1888 гг. двадцать—двадцать пять (см.: Boutchik, 1947: 11).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Владимирова, А. И. (1978) Достоевский во французской литературе XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. Л. : Наука.

Гонкур, Э. и Ж. (1964) Дневник : в 2 т. М. : Худ. лит. Т. 2.

Жид, А. (1994) Достоевский: Эссе. Томск : Водолей.

Кюстин, А. де (1996) Россия в 1839 году : в 2 т. М. : Изд-во имени Сабашниковых. Т. 1.

Луков, Вл. А. (2008) Литературные концентры Европы в предпочтениях русского культурного тезауруса // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 18–23.

Мериме, П. (2003) Статьи о русской литературе. М. : ИМЛИ РАН.

Мопассан, Г. де (1953) Рассказы и статьи. М. : ГИХЛ.

Роллан, Р. (1954) Жизнь Толстого // Роллан Р. Собр. соч. : в 14 т. М. : ГИХЛ. Т. 2.

Тургенев, И. С. (1961) Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. Т. II. С. 224–225.

Трыков, В. П. (2008а) Русская тема у Марселя Пруста // Тезаурусный анализ мировой культуры : сб. науч. трудов. Вып. 14. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 71–87.

Трыков, В. П. (2008b) Французский Пушкин // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 183–190.

Boutchik, V. (1947) La littérature russe en France. P. : Champion.

Corbet, Ch. (1967) L'opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894). P. : Didier.

Haumant, E. (1906) Ivan Tourguénef. Sa vie et l'oeuvre. P. : Colin.

Lamartine, A. de (1867) Cours familier de littérature. Revue mensuelle. XXIII. P. : Chez l'auteur.

Pellissier, G. (1901) Le mouvement littéraire contemporain. P.

Vogüé, E. M. de (1886) Le roman russe. P. : Plon.